

VII, 50 с., 1566 стб., 258 с. указ., 3 факс. (Рус. истор. Б-ка, изд. имп. Археограф. комис.).

48. Lietuvos Metrika = Литовская Метрика = The Lithuanian Metrica. Knyga Nr. 227 : 8-oji Teismų bulų knyga (1533–1535 m.) (XVI a. pabaigos kopija) = 8-я книга судных дел (227) (1533–1535) (копия конца XVI в.) / Vilniaus Universitetas ; spaudai parengė I. Valikonytė, S. Lazutka, N. Šlimienė ir kt. ; įvado tekstas liet., rus. ; šaltinių tekstas orig. kalba, bibliogr. išnašose. Vilnius : Vilniaus Universiteto leidykla, 1999. XCIV, 306 p.

49. Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М.В. Клочко, 1533–1540 (Литовская метрика. Книга № 228. Книга судных дел № 9) / публ. подгот. В.А. Воронин [и др.] ; отв. ред. А.Л. Хорошкевич, Г.Я. Голенченко ; Ин-т славяноведения РАН ; Ин-т истории Нац. Акад. наук Беларуси ; Бел. гос. ун-т ; РГАДА. М. : Наука, 2008. 525, [2] с.

50. Lietuvos Metrika = Литовская Метрика = The Lithuanian Metrica. Knyga Nr. 229 : 10-oji Teismų bulų knyga (1540–1541 m.) (XVI a. pabaigos kopija) = 10-я книга судных дел (229) (1540–1541) (копия конца XVI века) / Vilniaus Universitetas ; spaudai parengė S. Lazutka, I. Valikonytė, S. Viskantaitė-Saviščeviene ; įvado tekstas liet., rus. ; šaltinių tekstas orig. kalba, bibliogr. išnašose. Vilnius : Vilniaus Universiteto leidykla, 2003. LXVIII, 262, [2] p.

51. Lietuvos Metrika = Литовская Метрика = The Lithuanian Metrica. Knyga Nr. 230 : 11-oji Teismų bulų knyga (1542 m.) (XVI a. pabaigos kopija) = 11-я книга судных дел (230) (1542) (копия конца XVI века) / Vilniaus Universitetas ; I. Valikonytė, S. Viskantaitė ; įvado tekstas liet., rus. ; šaltinių tekstas orig. (gudų) kalba, bibliogr. išnašose. Vilnius : Vilniaus Universiteto leidykla, 2001. XL, 119, [1] p.

52. Вишневский, А.Ф. Некоторые аспекты генезиса в отечественном законодательстве процессуального положения потерпевшего / А.Ф. Вишневский, П.В. Мытник // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2006. № 1 (11). С. 17–21.

53. Барысёнак, С.І. Нацыянальны характар Літоўскага статуту 1529 г. / С.І. Барысёнак // Польша. 1927. № 6. С. 139–165.

54. Борисенко, С.І. Звичаєве право Литовсько-Руської держави на п. XVI ст. // Праці Комісії для виучування звичаєвого права України / Всеукраїнська Акад. наук ; Соц.-економіч. відділ ; Комісія для виучування звичаєвого права України ; ред. І.О. Малиновський. Київ : Вид-во Всеукр. АН, 1928. Вип. 3. С. 61–98.

55. Daniłowicz, I. Statut Kazimierza IV Jagiellończyka, pomnik najdawniejszych uchwał litewskich z XV wieku / I. Daniłowicz. Wilno : Druk. A. Marcinowskiego, 1826. XVIII, 78 s.

56. Лаппо, И.И. Судебник Казимира Ягайловича / И.И. Лаппо // Зап. рус. науч. ин-та в Белграде. 1939. Т. 17. С. 23–36.

57. Подозерская-Уткина, Г.Ф. Судебник Казимира Ягеллона / Г.Ф. Подозерская-Уткина // Науч. бюл. Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та. 1946. № 7. С. 42–44.

58. Bogucka, M. Kazimierz Jagiellończyk i jego czasy / M. Bogucka. Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1981. 288 s.

59. Fałkowski, W. Elita władzy w Polsce za panowania Kazimierza Jagiełły (1447–1492). Studium aspektów politycznych / W. Fałkowski. Warszawa : Wyd. Fund. «Historia pro Futuro», 1992. 206, [2] s.

60. Korczak, L. Monarcha i poddani : system władzy w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie wczesnojagiellońskim / L. Korczak. Kraków : Towarzystwo Wydawnicze «Historia Iagellonica», 2008. 207 s.

61. Доўнар-Запольскі, М.В. Гісторыя Беларусі / М.В. Доўнар-Запольскі ; Бел. Энцыкл., Нац. арх. Рэсп. Беларусь ; пер. з рус. Т.М. Бугэвіч, Т.М. Кароткая, Е.П. Фешчанка. Мінск : БелЭн, 1994. 510 с., 1 іл.

62. Papée, F. Aleksander Jagiellończyk / F. Papée. Kraków : Nakładem Polsk. Akad. Umiejętności, druk. Uniwersytetu Jagiellońskiego pod zarządem K. Kiecia, 1949. 120 s.

63. Pietkiewicz, K. Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku / K. Pietkiewicz. Poznań : Wyd. Naukowe UAM, 1995. 256 s. (Uniwersytet im. A. Mickiewicza w Poznaniu. Seria Historia, № 185).

*Н.А. Горбаток, профессор кафедры
теории и истории государства и права
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Проблемы правового регулирования общественных отношений, которые всегда находились в центре внимания ученых-правоведов, приобретают в настоящее время еще большую значимость, поскольку эффективное функционирование права как крупной регулятивной социальной системы способствует прогрессивным переменам в общественной жизни в условиях переходной экономики.

Правовое регулирование как процесс осуществления при помощи всей совокупности юридических средств правового воздействия на общественные отношения в целях их упорядочения и совершенствования [1, с. 5; 2, с. 456] рассматривается в теории права в двух аспектах – нормативном и ненормативном (индивидуальном). С одной стороны, это процесс правовой регламентации общественных отношений на основе юридических норм, т. е. установления общеобязательных правил поведения социальных субъектов в определенных типичных жизненных ситуациях. Такая регламентация, как известно, осуществляется на основе правотворческой деятельности, в ходе которой государство от имени общества устанавливает, изменяет и отменяет нормы позитивного права, обеспечивая тем самым его функционирование и динамичное развитие как единой внутренне согласованной системы. Это чрезвычайно ответственная, важная и многогранная деятельность, в ре-

зультате которой право приобретает внешние формы своего выражения и существования. Такими формами, получившими наибольшее распространение, являются нормативные правовые акты, юридические прецеденты, нормативные договоры, правовые обычаи и ряд других. В национальной правовой системе Беларуси доминирующей формой права является нормативный правовой акт. Используются также, хотя и в меньшей степени, правовые обычаи и нормативные договоры.

В правовой доктрине формы выражения права получили название его источников. Как пишет С.С. Алексеев, созданные, объективированные в документальном виде акты правотворчества являются юридическими источниками соответствующих юридических норм и одновременно формой их юридически официального бытия, существования [3, с. 314].

Правовое регулирование общественных отношений при помощи юридических норм, содержащихся в указанных источниках, именуется в теории права нормативным регулированием. Иногда его называют общим правовым регулированием.

Нормативное правовое регулирование относится к первоначальному этапу регулирования. Оно имеет общий характер и распространяется на все общественные отношения определенного рода или вида [4, с. 345].

Таким образом, нормативное регулирование – это упорядочение поведения людей при помощи правовых актов, содержащих общеобязательные юридические нормы, правила, эталоны, рассчитанные на многократное применение при наличии предусмотренных ими обстоятельств. При помощи нормативного регулирования общественным отношениям придаются определенность, устойчивость, упорядоченность и независимость от простого случая или произвола отдельных личностей.

С другой стороны, несмотря на исключительную значимость процесса создания качественной нормативной основы упорядочения общественных отношений юридическими средствами, правовое регулирование в целом не исчерпывается нормативным регулированием. Известно, что во многих случаях нормы не в состоянии охватить всего многообразия жизненных фактов, учесть все особенности ситуаций, возникающих в процессе разрешения многообразных юридических дел. Учитывая это, законодатель стремится весьма гибко формулировать правила общего характера, допускает возможность в известных рамках действовать субъектам права самостоятельно, конкретизировать содержание нормативной модели по отношению к возникшему делу.

Реализация юридической нормы с учетом всех обстоятельств конкретного дела позволяет его участникам, образно говоря, «доурегулировать» соответствующие отношения на индивидуальном уровне.

В этих целях законодатель допускает возможность самим субъектам реализации правовых норм определять в рамках, например, договорных отношений соответствующий объем взаимных прав и обязанностей, устанавливать сроки действия договора и т. п. Договор здесь становится средством индивидуальной регламентации отношений конкретных субъектов на основе общей нормы. Нередко государство оставляет за собой право подключаться к правовому регулированию общественных отношений уже не на общем (абстрактном) уровне, а на уровне конкретных жизненных процессов. В таких случаях адресаты правовых норм могут реализовывать права и обязанности лишь при участии компетентных органов государства или по его уполномочию негосударственных организаций. Иными словами, часть правовых норм воплощаются в жизнь, в реальную действительность при помощи правоприменения как особой формы их реализации. Это властная правоприменительная деятельность, направленная на содействие адресатам правовых норм в реализации принадлежащих им прав и обязанностей, а также на осуществление контроля за данными процессами.

Следовательно в рамках правоприменения, индивидуально-договорных отношений их участники имеют достаточно широкий простор для решения конкретных дел на основе собственного усмотрения, с учетом конкретных обстоятельств дела.

Широко используя метод диспозитивного регулирования, основанный на учете инициативы, самостоятельности субъектов в выборе ими вариантов поведения, т. е. регламентации собственных действий по своему усмотрению, законодатель лишь устанавливает пределы такого усмотрения либо предусматривает определенные процедуры. Подобные приемы используются не только в случаях правореализации при помощи такой ее формы, как использование. И в процессе правоприменения, когда чаще всего доминирует императивный метод регулирования, закон нередко оставляет достаточно широкий простор для самостоятельных действий правоприменителей. Это допускается в процессе реализации норм альтернативного характера, норм, в которых содержатся перечни. Например, ст. 63 УК Республики Беларусь содержит незакрытый перечень обстоятельств, смягчающих ответственность; суд может признать смягчающими и иные, не указанные в ней обстоятельства. В законодательстве имеются нормы, допускающие усмотрение правоприменителя без определенных условий при помощи формулировок типа «суд вправе», «суд может». Субъекты правоприменения имеют возможность учитывать конкретные обстоятельства дела при преодолении пробелов в законодательстве на основе аналогии права. Так, в соответствии со ст. 5 ГК Республики Беларусь в таких случаях

права и обязанности сторон определяются исходя из основных начал и смысла гражданского законодательства.

Приведенные примеры далеко не исчерпывают возможность проявления в рамках законодательства самостоятельности субъектов, действующих в правовой сфере. Этот чрезвычайно многообразный вид юридической деятельности получил в теории права название индивидуального правового регулирования [3, с. 49–51; 5, с. 295; 6, с. 93–112]. Он позволяет учитывать не только общесоциальные, но и индивидуальные интересы участников соответствующих общественных отношений. Кроме того, в данном случае на стадии реализации нормативных установлений к правовому регулированию подключается практический опыт конкретных субъектов, что, несомненно, повышает эффективность действия права. Обосновывая важность деятельности по индивидуализации правовых норм, Р. Иеринг в свое время писал, что судья при решении конкретного дела руководствуется законом, однако было бы ошибочно думать, что закон дает судье «детальные определения на каждый отдельный случай, шаблоны, избавляющие будто бы от всякого труда; закон не может заменить голову судьи» [7, с. 88].

В современной юридической литературе неизменно подчеркивается важность и ценность индивидуального правового регулирования как одной из форм проявления самостоятельности субъектов общественных отношений в правовой сфере. Эта важность связана и с тем, что люди в большинстве случаев воспринимают право не в виде абстрактных юридических норм, не в виде текстов кодексов, а в виде конкретных судебных решений, приговоров, приказов должностных лиц и т. д. Тем не менее, к сожалению, эта проблема не нашла пока всесторонней и достаточной научной проработки. Усилия исследователей в большей степени были сосредоточены на различных вопросах нормативного регулирования. Индивидуальный же аспект регулирования рассматривался в основном в рамках правового регулирования в целом и связывался преимущественно с правоприменительным процессом. В этой связи многие его стороны остаются дискуссионными.

Между тем проблема индивидуализации общих правовых установлений отнюдь не нова. Более того, по мнению некоторых ученых, именно этот аспект правового регулирования явился в свое время одной из предпосылок возникновения социологической школы права. В частности, австрийский юрист Е. Эрлих настаивал на существовании спонтанного, независимого от формально действующего права общественного порядка – следствия согласования воли отдельных индивидов. Он утверждал, что конфликты, неминуемо здесь возникающие, решаются преимущественно не на основании абстрактных норм, а пу-

тем оценки конкретных обстоятельств самими заинтересованными людьми, третейскими арбитрами или судьями. Е. Эрлих признавал, конечно, что существуют и такие споры, для решения которых необходимы юридические нормы, исходящие от государства, но считал, что действительно регулиющую роль играет судебная практика и заключаемые договоры, которые образуют «живое» право. Несколько позже идея «живого» права усилиями профессора Гарвардской школы права Р. Паунда и его учеников получила широкое распространение в США. В своих работах они обосновывали необходимость наделения судей не только свободой толкования юридических норм, но и правотворческими полномочиями [8, с. 231].

Отдельные стороны проблемы индивидуального регулирования обсуждались еще в дореволюционной российской науке права. В советском и постсоветском правоведении, как отмечалось, они не получили надлежащего развития, хотя и не были оставлены вовсе без внимания. Для обозначения юридической деятельности соответствующих лиц и организаций по конкретизации предписаний правовых норм применительно к разрешению конкретных юридических дел не всегда использовалось понятие индивидуального правового регулирования. В одних случаях шла речь о выработке в процессе практики правореализации ее субъектами правоположений [9], в других часть этой деятельности связывалась с обеспечением «законных интересов» личности [10], а в третьих – с выработкой определенной правовой позиции, в частности, суда [11; 12] и др.

Как уже отмечалось, индивидуальное правовое регулирование рассматривалось преимущественно в рамках правоприменительной деятельности. При этом разными авторами содержание и объем этой деятельности трактуется по-разному. Так, по мнению Т.В. Кашаниной, в процессе такого регулирования вырабатываются индивидуальные нормы или «микронормы», которые формулируются конкретными субъектами и выражают их волю [13, с. 125]. В.Б. Исаков полагает, что под индивидуальным правовым регулированием следует понимать конкретизацию юридических норм участниками правовых отношений – решение ими юридически значимых вопросов, которым законодатель не дал исчерпывающей регламентации [14, с. 262]. С.Г. Краснояружский считает, что индивидуальное правовое регулирование может осуществляться и в том случае, когда норма права исчерпывающе регламентирует тот или иной вид общественных отношений. Поскольку, по его мнению, в процессе такого регулирования происходит индивидуализация содержания нормативных предписаний, то издаваемое в индивидуальном порядке предписание воспроизводит содержание применяемой

правовой нормы, лишь сужая его до веления адресованного персонально определенному субъекту – участнику конкретно регулируемого общественного отношения. При этом данный автор подчеркивает, что понятие «конкретизация юридических норм» в контексте указанного понимания не должно восприниматься слишком широко, так как в процессе разрешения дела содержание самой нормы не меняется, уточняется лишь сфера ее действия. В этом случае лишь конкретизируется юридическое содержание единичных правоотношений [15, с. 128].

Высказывались также мнения, что индивидуально-правовое регулирование возможно не только в сфере правореализации, но и в правотворческой деятельности [5, с. 140].

По-разному дается в литературе и видовая классификация индивидуального правового регулирования. Одни авторы называют две основные его разновидности – субординационную и координационную [14, с. 262]. В первом случае индивидуальное регулирование осуществляется в форме применения права компетентными органами государства и уполномоченными на то негосударственными организациями. Индивидуальные акты издаются на основе государственно-властной компетенции соответствующего органа. Это акты судебных, административных органов и др. Во втором случае индивидуальное регулирование выражается в выработке сторонами договора конкретных прав и обязанностей. Этот вид индивидуального регулирования используется чаще всего в гражданском, трудовом праве. Нередко его называют индивидуально-договорным.

Некоторые авторы склонны считать, что индивидуально-договорные отношения автономного характера являются не чем иным, как саморегуляцией поведения и его не следует относить к индивидуальному правовому регулированию. В частности, Ф.Н. Фаткуллин утверждает: «Пока не требуется властное решение компетентного лица (органа), определяющего приемлемость взаимосогласования поведения сторон с точки зрения закона, имеет место не более чем саморегуляция, если даже последняя сопряжена с некоторым содействием или контролем со стороны государственных учреждений» [5, с. 142]. Но на этот счет существует и другая точка зрения. Так, Ю.С. Решетов считает, что субъекты, находящиеся в автономном положении в отношении друг друга и заключающие разного рода договоры, сделки, регулируют не только собственное поведение, но и устанавливают в рамках закона взаимные права и обязанности. При совершении так называемых односторонних актов, полагает он, порождаются определенные обязанности других лиц или органов. Все это позволяет считать, что в этих случаях происходит не саморегулирование участниками реализации норм права сво-

его поведения, а индивидуальное правовое регулирование общественных отношений. Субъекты такого регулирования определяют условия, порядок осуществления диспозиций соответствующих норм права. Причем в тех случаях, когда эти условия ими не определены, законодатель сам восполняет этот пробел [6, с. 100].

Затронутыми вопросами далеко не исчерпывается дискуссионность проблемы индивидуального правового регулирования общественных отношений. Различные позиции ученых по поводу указанных и других его аспектов вызваны в первую очередь особенностями данного правового явления, его сложностью и многогранностью. Это связано, как отмечалось, и с недостаточной изученностью процессов индивидуализации правового регулирования, и в частности белорусской юридической наукой. Эти вопросы затрагивались лишь в редких работах белорусских ученых [16, с. 57]. В силу указанных и ряда других причин в научных публикациях, связанных с затронутой проблематикой, не всегда проводится четкая грань между нормативным и индивидуально-правовым регулированием общественных отношений, между им и личностной саморегуляцией поведения индивидами. Все это вызывает много вопросов. По указанным причинам иногда источники индивидуального правового регулирования отождествляются с источниками (формами) права, что ведет к стиранию грани между неразрывно связанными, но не совпадающими по своей юридической природе нормативными и индивидуальными способами и средствами воздействия права на общественные отношения, к отрыву правореализации от законодательства. В ряду таких примеров можно упомянуть интерпретацию в некоторых публикациях содержания ст. 7 ТК Республики Беларусь, в которой законодатель применил понятие «источники регулирования трудовых и связанных с ними отношений». В соответствии с п. 4 этой статьи к таким источникам отнесен трудовой договор. Это обстоятельство дало основание некоторым исследователям говорить о трудовом договоре как об особом источнике трудового права, т. е. источнике регулирования нормативного значения, но при этом одновременно правильно определять его природу как акта, имеющего персонафицированный характер. В связи с этим в некоторых случаях трудовой договор относят к источникам трудового права и отождествляют с нормативными соглашениями [17, с. 41], хотя ст. 19 ТК Республики Беларусь, определяющая содержание и условия трудового договора, не дает основания для таких суждений.

В приведенных примерах авторы, в сущности, отождествляют нормативное и индивидуальное правовое регулирование общественных отношений. Буквальное же толкование текста ст. 7 ТК дает основание

считать, что понятие «источник правового регулирования» охватывает все источники такого рода, т. е. законодатель применил здесь понятие более широкое по сравнению с понятием «источник права». Как уже отмечалось, в юридической науке источники права рассматриваются одновременно и как формы его выражения, существования. К ним относятся только те юридические акты, в которых содержатся правовые нормы. Но наряду с ними существуют и такие источники правового регулирования социальных отношений, которые не содержат правил поведения общего характера, т. е. являются источниками индивидуального, а не нормативного регулирования. Таким образом, понятие «источник правового регулирования общественных отношений» своим содержанием охватывает явления, которые входят в сферу как нормативного, так и индивидуального правового регулирования. Именно к источникам индивидуального регулирования и относится трудовой договор. В данном случае речь идет о необходимости разграничения и установления соотношения источников нормативного и ненормативного, т. е. индивидуального, регулирования.

Трудовой договор, таким образом, как и многие другие подобные ему акты, с полным основанием можно определить как источник, акт индивидуального правового регулирования трудовых и связанных с ними общественных отношений. Такая его оценка связана с тем, что он представляет собой правовой акт, в котором в соответствии с нормами Трудового кодекса осуществляется на основе договоренностей нанимателя рабочей силы и наемного работника установление взаимных субъективных прав и обязанностей. Подобного рода права и обязанности носят конкретный, индивидуальный характер. В договоре выражается согласованная воля его сторон. В нем могут содержаться совершенно особые положения об условиях труда и его оплаты, которые не распространяются на других работников. Так, в соответствии со ст. 19 ТК Республики Беларусь в трудовом договоре могут предусматриваться дополнительные условия об установлении испытательного срока, об обязанности отработать после обучения не менее установленного договором срока, если обучение производилось за счет средств нанимателя, и иные условия, не ухудшающие положение работника по сравнению с законодательством и коллективным договором. Все это явно указывает на отсутствие в нем признаков нормативного акта. Как известно, в теории права признается, что модель социальных связей, процессов будет нормативной, если она в определенной форме выражает их типичность, всеобщность, обязательность [18, с. 88]. Набору этих качеств не отвечает в данном случае трудовой договор, как и другие акты индивидуального регулирования.

При всей специфике правосубъектности современных работодателей, действующих на основе различных форм собственности, они являются хозяйствующими субъектами и в сфере найма и использования рабочей силы осуществляют оперативно-исполнительную деятельность правоприменительного характера. На это обращают внимание и специалисты в области трудового права. В частности, О.В. Смирнов среди отличительных признаков правосубъектности работодателя выделяет так называемый оперативный критерий [19, с. 88]. Некоторые авторы полагают, что здесь индивидуализация нормативных правоположений осуществляется не в форме правоприменения, а в форме использования [20, с. 25–26]. Но следует учитывать, что на нанимателей в соответствии с законодательством возложена обязанность, в частности, надлежащего оформления работника на работу с соблюдением установленной процедуры, которая завершается изданием правоприменительного акта. Так, в соответствии со ст. 25 ТК Республики Беларусь после заключения в установленном порядке трудового договора прием на работу оформляется приказом (распоряжением) нанимателя. Трудовой договор, таким образом, представляет собой акт, заключенный в рамках Трудового кодекса, в котором сочетается воля договаривающихся сторон, формально подтвержденная властным решением нанимателя. Это дает основание говорить о нем как об особой форме правоприменения, являющейся средством индивидуализации норм права применительно к конкретной ситуации и в отношении конкретных субъектов.

Краткий анализ юридической природы трудового договора показывает основные отличительные особенности правоприменительного акта как акта индивидуального регулирования общественных отношений.

В целом же в теории права индивидуальное правовое регулирование рассматривается преимущественно как процесс упорядочения поведения участников общественных отношений при помощи персональных ненормативных юридических решений, принимаемых на основе и в рамках норм права и относящихся к строго определенным случаям, к конкретным лицам и конкретным обстоятельствам. Эта форма правового регулирования является продолжением общего (нормативного) правового регулирования, наступающим в случаях необходимости упорядочения, регламентации общественного отношения на индивидуальном уровне. В юридической литературе она нередко называется поднормативным регулированием [3, с. 327, 332]. Основным его назначением и важнейшей функцией как элемента механизма правового регулирования, является приведение в движение норм объективного права, т. е. перевод нормативных правоположений, предписаний из сферы

должного, из статичного положения в динамичное, в сферу сущего, в правоотношения. Индивидуальное регулирование при этом предполагает наличие элемента усмотрения, самостоятельности субъектов, осуществляющих указанную деятельность. При помощи анализа и оценки фактических обстоятельств возникающих дел, их сопоставления с юридической основой, с нормативным правовым материалом субъекты индивидуального правового регулирования отыскивают такие юридические средства, которые с их точки зрения адекватно отражают содержание соответствующих правовых норм и максимально учитывают все аспекты конкретной ситуации, все особенности участвующих в правореализации лиц.

В юридической литературе, как упоминалось, большинство авторов подчеркивают, что индивидуальное регулирование нельзя ограничивать правоприменением, и выделяют две основные его разновидности – субординационное и координационное [14, с. 262]. Вторая разновидность состоит в том, что законодатель предоставляет участникам общественных отношений возможность самим урегулировать те или иные условия своего поведения. В данном случае в отличие от правоприменения они действуют на началах равенства, координации взаимных интересов. Регулирующее значение этих договорных актов основано на возможности субъектов принимать на себя определенные обязанности, устанавливать в пределах нормы права определенные условия поведения. Типичным способом автономного индивидуального регулирования признается договор, хотя в литературе указывается, что такое регулирование может осуществляться и с помощью односторонних актов участников отношений (завещание, прощение долга и др.), регулирующее значение которых состоит в возможности субъектов принять на себя определенные юридические обязанности, распорядиться своим субъективным правом [1, с. 164]. В актах индивидуально-договорного характера в первую очередь выражена воля участников соответствующего отношения. Именно она и является основой для упорядочения взаимного поведения. Бывают, однако, случаи, когда воля сторон, выраженная в договоре, требует в соответствии с законодательством подтверждения уполномоченного государственного органа путем принятия им юридически значимого решения (например, акт регистрации купли-продажи домостроения). Поскольку в таких актах воля договаривающихся сторон сочетается с властным решением правоприменительного органа, здесь, видимо, есть смысл говорить о смешанной разновидности индивидуального правового регулирования.

Индивидуальное правовое регулирование осуществляется в определенных процедурно-процессуальных формах, и его результат выража-

ется в индивидуальных предписаниях, содержащихся, как правило, в актах ненормативного характера (приказы, постановления, протоколы, договоры и т. п.), конкретизирующих нормативные правоустановления применительно к соответствующей жизненной ситуации. В этих актах, в сущности, опосредуется воля субъектов правореализации. Их воля проявляется в индивидуальных дозволениях, запретах, позитивных обязываниях, рекомендациях, мерах ответственности и т. д. и закрепляется в указанных актах. Они и служат источниками регулятивного воздействия на индивидуальном уровне. Предметом этого регулирования, таким образом, являются правоотношения, содержание которых (реальное поведение субъектов) объективно нуждается в индивидуальной правовой регламентации, если она в силу различных причин не достаточна на нормативно-правовом уровне.

В процессе индивидуального правового регулирования применяются методы, характерные и для нормативного регулирования. Это методы авторитарного и автономного воздействия на общественные отношения. Применение определенного метода обусловлено в первую очередь характером регулируемых отношений и особенностями юридических возможностей субъектов регулирования. Метод властного авторитарного характера присущ индивидуально-правоприменительной деятельности. В сфере договорного регулирования, когда нормы реализуются в форме их использования, доминирует метод автономии, поскольку в этих отношениях субъекты взаимодействуют на равноправных началах. В принципе же и в процессе индивидуального регулирования нередко эти методы используются в сочетании.

Таким образом, в юридической литературе индивидуальное правовое регулирование рассматривается как один из эффективных юридических инструментов упорядочения общественных отношений.

Объективная необходимость этой формы правового регулирования связана с наличием в законодательстве значительного количества норм, обладающих высоким уровнем обобщений, норм, предусматривающих варианты поведения, допускающих значительную степень свободы усмотрения правореализующих субъектов. Все это требует индивидуальной конкретизации общенормативных установлений. Индивидуальное регулирование является также важным средством оперативного преодоления пробелов в праве. Механизм правового регулирования не может эффективно функционировать без важнейшего своего элемента – индивидуального регулирования общественных отношений.

Этот вывод указывает на важность и необходимость всестороннего научного исследования затронутой проблемы. Как отмечалось выше, уровень ее научной проработки в настоящее время нельзя признать

достаточным. Многие исследователи не проводят четкую грань между нормативным и индивидуальным регулированием. Источникам индивидуального регулирования, по сути дела, приписывается нормативное значение, что ведет к отрыву юридической практики от законодательства. Когда речь идет, например, о широком судебском правотворчестве, возникают проблемы соблюдения принципа разделения властей и др. В науке права являются дискуссионными вопросы понятия индивидуально-правового регулирования, его содержания, формы, вида, места в системе механизма. Весьма острым остается вопрос о пределах допустимости свободы усмотрения субъектов индивидуального регулирования, т. е. в процессе индивидуального правового регулирования существенное значение имеет, с одной стороны, фактор усмотрения, а с другой – обеспечение разумного его предела. Выход органов, осуществляющих индивидуальное регулирование, за пределы своих полномочий, введение в процессе этой деятельности административных барьеров, дополнительных условий и др. приводит к ограничению прав и законных интересов граждан, юридических лиц, к произвольному изменению законодательных правоположений, вторжению в сферу деятельности и компетенцию других органов и организаций.

В науке не разработан должным образом ряд понятий, прямо относящихся к индивидуальному регулированию, не выяснена до конца их юридическая природа. Это, в частности, касается таких понятий, как «судейское усмотрение», «законные интересы», «правовые позиции», «правоположение», и др. Возникает немало вопросов, связанных с толкованием юридических норм. Толкование является одним из важнейших аспектов индивидуального регулирования. В каждом случае, реализуя юридические нормы, субъекты уясняют их содержание, а нередко и дают их официальное разъяснение. Существенные особенности приобретает толкование в правоприменительной деятельности. Индивидуальное правовое регулирование связано прежде всего с казуальным толкованием, т. е. толкованием, которое вызвано необходимостью уяснения сути юридических норм, их правильной реализации в конкретной ситуации, применительно к конкретному юридическому делу, случаю (казусу). Результаты этого толкования признаются юридически обязательными лишь для данного дела и в отношении лиц, которых оно касается. Его задачей и является индивидуализация нормативного предписания. Казуальное толкование чаще всего содержится в материалах, закрепляющих правоприменительную деятельность по конкретному делу. В некоторых случаях оно может исходить от органов, рассматривающих дела в надзорном или кассационном порядке.

Главной проблемой казуального толкования является его соотношение с толкуемой нормой. Крайне важно, чтобы орган, толкующий

норму, без достаточных оснований не сужал и не расширял ее смысл и на этой основе не было бы принято ошибочное правоприменительное решение. В этой связи, думается, следует осмотрительно оценивать позиции ученых, склонных рассматривать казуальное толкование как образец для решения аналогичных дел, т. е. придающих ему нормативное значение [см. подробнее 21, с. 47–50]. Некоторые авторы в этих случаях называют его прецедентом толкования. Кстати, В.Г. Василевич весьма верно заметил, что этот термин является не очень удачным [22, с. 102]. Добавим к этому, что, с нашей точки зрения, он и не корректен, если понимать прецедент в его собственном значении как источник и форму права. Ведь когда речь идет о толковании, то ясно, что оно не должно выходить за рамки толкуемой нормы. Толкование по общему признаку не должно создавать правила общего характера, конкурирующего с толкуемой нормой. Прецедентное же решение – это создание в процессе и на основе рассмотрения конкретного дела юридической нормы, правила общего характера, которое признается нормативной основой для разрешения в дальнейшем сходных, аналогичных дел и включается в арсенал нормативного регулирования. Прецедент как источник права создается, как правило, в случаях отсутствия нормативной основы для разрешения возникшего дела. Следовательно здесь нет основы для толкования, а есть процесс ликвидации, устранения обнаруженного пробела в законодательстве.

Таким образом, можно констатировать, что толкование не может быть одновременно и прецедентом, т. е. если есть толкование нормы, то нет прецедента, если есть прецедент, то нет толкования в их общепринятом смысле. Когда же в процессе правореализации суд или иной правоприменительный орган, анализируя, толкуя юридическую норму, «подправляет» ее, т. е. создает иную норму, конкурирующую с толкуемой, то тем самым он выходит за рамки своих полномочий.

В соответствии с действующим законодательством в национальной правовой системе Республики Беларусь юридический прецедент как источник права отсутствует. Более того, он не может быть введен в правовую систему по желанию отдельных авторов или должностных лиц. Для этого в обществе должны сложиться соответствующие социально-правовые и иные условия и появиться веские аргументы в пользу его введения.

Нельзя признать приемлемыми для стабильного правопорядка попытки легализации, признания необходимыми и даже законными решений правоприменительных органов, в частности судебных, которые в процессе толкования реализуемых норм права создают иные правила общего характера, выходящие за рамки толкуемых норм и тем самым чаще всего изменяющие пределы их действия.

В контексте сказанного следует обратить внимание и на юридическую природу постановлений пленумов Верховного суда и Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь, в которых даются руководящие разъяснения по вопросам применения законодательства. Некоторые авторы склонны расценивать и эти акты как имеющие прецедентный характер [23, с. 52–53].

Как известно, законом от 10 января 2000 г. «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (ст. 2) названные постановления включены в число нормативных правовых актов и тем самым введены в нашу правовую систему в качестве источников права. Тем не менее обращает на себя внимание их двойственный характер. Имея официальный статус подзаконных нормативных актов, т. е. актов, содержащих правовые нормы, по содержанию, своей юридической природе, своим свойствам они одновременно остаются интерпретационными актами. В частности, в соответствии со ст. 51 Кодекса Республики Беларусь «О судостроительстве и статусе судей», пленум Верховного суда Республики Беларусь рассматривает материалы обобщения судебной практики и дает в порядке судебного толкования общим судам разъяснения по вопросам применения законодательства, т. е. эти акты всецело привязаны к законодательным актам, нормы которых являются предметом толкования. Им не присуще свойство первичности. Они как результат официального нормативного толкования должны действовать вместе с толкуемыми нормами и прекращать свое существование вместе с их отменой. По своей природе руководящие разъяснения, исходящие от высших судебных инстанций, обладают признаками нормативности, поскольку являются для правоприменителей обязательными и распространяют свое действие на все те отношения, которые регулируются толкуемой нормой. Тем не менее они являются чисто вспомогательными актами, не имеют самостоятельного характера, не должны содержать такие правоположения, которые выходили бы за рамки толкуемой нормы и тем более ей противоречили.

Необходимо обратить внимание и на то обстоятельство, что руководящие разъяснения создаются не в процессе разрешения конкретных юридических дел в связи с непреодолимыми пробелами в праве, что присуще прецедентным решениям, а на основе анализа и обобщения правоприменительной практики. Хотя они и связаны с правоприменением, но все же это несколько иная сфера юридической деятельности. Кроме того, порядок принятия указанных актов по многим своим параметрам не соответствует стадиям правотворческого процесса. Все это указывает на их весьма своеобразную юридическую природу. В этой

связи, естественно, возникает и вопрос об отличии нормативных правовых актов от интерпретационных актов нормативного характера. Безусловно, разъяснения имеют важное значение и оказывают существенное воздействие на сферу индивидуального правового регулирования. Но юридические свойства, особенности этих актов, с нашей точки зрения, не дают основания относить их к юридическим прецедентам как источникам права.

Следует также обратить внимание на то, что в юридической литературе неодинаково оценивают юридические прецеденты как источники права. Отмечается, что это весьма специфическое явление, имеющее как позитивные, так негативные стороны. С одной стороны, прецедент повышает оперативность устранения, ликвидации пробелов в законодательстве, но с другой, – расширяя сферу усмотрения правоприменителей, создает почву для увеличения числа ошибочных решений и для возможных злоупотреблений. В этой связи даже в тех странах, где этот источник права применяется давно (например, в США), где сложились определенные традиции прецедентной практики, корпоративная этика, соответствующий уровень профессиональной культуры, в частности представителей судейского корпуса, есть немало ученых-правоведов, выступающих за судебское «самоограничение», отрицающих право даже высших судебных инстанций осуществлять правотворческие функции [24, с. 14]. В юридической литературе России также отмечается, что широкое судебское усмотрение приводит ко многим ошибкам в правосудии и является питательной средой для злоупотреблений, в том числе и коррупционной направленности [25, с. 177; 26, с. 44]. Все это и многое другое указывает на необходимость крайне взвешенного подхода к проблеме введения в национальную правовую систему Беларуси юридического (в частности, судебного) прецедента как источника права. С нашей точки зрения, переводу этого вопроса в практическую плоскость должно предшествовать специальное, целевое и глубокое научное исследование, которое могло бы охватить наиболее важные параметры возможных последствий такого решения.

Таким образом, затронутые лишь некоторые особенности и аспекты юридической природы индивидуального правового регулирования, показывают, что поведение людей в сфере права строится не только под определяющим и направляющим действием правовых норм. Практика подтверждает, что эффективность функционирования механизма правового регулирования в значительной степени зависит от деятельности субъектов права по реализации нормативных правовых предписаний на индивидуальном уровне с учетом конкретных жизненных

обстоятельств. Социальная ценность этой деятельности состоит в достижении в рамках, очерченных правовой нормой, сочетания интересов отдельной личности и общества в целом, что соответствует принципам формирования в нашем обществе демократического, социального, правового государства. Это и предопределяет необходимость расширения и углубления научно-теоретических и практических знаний о регулирующих свойствах права на уровне его индивидуального бытия.

Библиографические ссылки

1. Алексеев, С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. М., 1966.
2. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под общ. ред. В.А. Кучинского. Минск, 2009.
3. Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев. М., 1981–1982. Т. 1.
4. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права / А.Ф. Черданцев. М., 1999.
5. Фаткуллин, Ф.Н. Проблемы теории государства и права / Ф.Н. Фаткуллин. Казань, 1987.
6. Решетов, Ю.С. Реализация норм советского права / Ю.С. Решетов. Казань, 1989.
7. Иеринг, Р. Борьба за право / Р. Иеринг. СПб., 1895.
8. Спиридонов, Л.И. Теория государства и права / Л.И. Спиридонов. СПб., 1995.
9. Лазарев, В.В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме правового воздействия / В.В. Лазарев // Правоведение. 1976. № 6.
10. Малейн, Н.С. Охраняемые законом интересы / Н.С. Малейн // Совет. государство и право. 1980. № 1.
11. Витрук, Н.В. Правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение / Н.В. Витрук // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 3 (29).
12. Власенко, Н.А. Правовая природа, виды и понятие правовых позиций / Н.А. Власенко // Российское правосудие. Теория права и государства. М., 2009.
13. Кашанина, Т.В. Индивидуальное регулирование в правовой сфере / Т.В. Кашанина // Государство и право. 1992. № 1.
14. Проблемы теории государства и права. М., 1987.
15. Красноярский, С.Г. Индивидуальное правовое регулирование / С.Г. Красноярский // Государство и право. 1993. № 7.
16. Курилева, О.С. Судебная практика как объект конституционного контроля в Республике Беларусь / О.С. Курилева // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. 2003. № 1.
17. Комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь. Минск, 2008.

18. Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. Саратов, 1987.

19. Трудовое право : учебник / под ред. О.В. Смирнова, И.О. Смигиревой. М., 2007.

20. Нуртдинова, А.Ф. Проблемы применения законодательства о труде : науч.-практ. пособие / А.Ф. Нуртдинова, Л.А. Чеканова. М., 2000.

21. Шилина, Е.М. Толкование права: теоретические и практические аспекты / Е.М. Шилина. Минск, 2008.

22. Василевич, Г.А. Источники белорусского права: принципы, нормативные акты, обычаи, прецеденты, доктрина / Г.А. Василевич. Минск, 2005.

23. Бибило, В.Н. Правотворчество судей при осуществлении правосудия / В.Н. Бибило // Суд. весн. 1997. № 3.

24. Черняк, С.В. Конституційна юстиція Сполучених Штатів Америки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Черняк. Київ, 2005.

25. Клеандров, М.И. О судебском усмотрении / М.И. Клеандров // Рос. правосудие. 2006 – март 2009.

26. Шнитенков, А. К чему ведет широкое судебское усмотрение / А. Шнитенков // Рос. юстиция. 2003. № 4.

С.А. Семенова, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат исторических наук

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА – ВАЖНЕЙШЕЕ УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Правоприменение и законность взаимообусловлены и находятся в единой органичной связи. Исходный элемент законности состоит в требовании точного и неуклонного осуществления (соблюдения, исполнения, использования) нормативных положений конституции, соответствующих ей законов, принятых на их основе подзаконных нормативных актов всеми органами государства, учреждениями, организациями, общественными образованиями, должностными лицами и гражданами [1, с. 462]. На данном требовании строятся все последующие общественно-политические требования законности, которые, по мнению многих юристов, состоят: в единстве и во всеобщности законности, выраженной в необходимости развитого, совершенного законодательства; верховенстве конституции и законов; равенстве всех перед законом; наличии социальных и юридических механизмов, обеспечи-